~~25-18-59.~~

Старость у телевизора

20

Старость у телевизора

казано: "Наблюдай день субботний, чтобы свято хранить его, как заповедал тебе Господь, Бог твой; шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой — суббота Господу, Богу твоему. Не делай [в оный] никакого дела..." (Втор. 5, 12—14). Такая заповедь и труда, и праздника дана Господом человечеству на все дни его. Для православного сознания праздник всегда связан с Господом. "День седьмой — суббота Господу, Богу твоему". Праздник — это святыня. "...Ибо в шесть дней создал Господь море, небо и землю и все, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний *(то есть день покоя) и* освятил его" (Исх. 20, 11). Этот день (в христианской традиции — это воскресенье) выделен особым молитвенным общением с Господом, Божией Матерью, святыми угодниками, посещением храма, делами милосердия, дружеской беседой с единомышленниками, собравшимися во имя Господа, праздничной трапезой.

Не только воскресенье почитают православные люди. Не работают в двунадесятые праздники; если есть возможность, то стараются отметить дни чудотворных икон Божией Матери или почтить какого-либо угодника Божия. В праздничный день мы прилагаемся памятью к событиям, освятившим его, опять переживаем их, торжествуем вместе с Церковью Небесной. Многие верующие держатся традиции причащаться в дни праздников, что делает их радость еще совершеннее. Прежде существовала, да и теперь не угасла еще традиция: те, кто по каким-либо обстоятельствам не смог оставить работы в день праздника, свой дневной заработок жертвует в церковь, как бы считая этот день нерабочим.

Таков праздник для православного человека. Его духовный смысл освящает и отдых от трудов, и плотскую радость праздничной трапезы, и душевную радость дружеской встречи, где Господь посреди

нас. “Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них” (Мф. 18, 20),— обещал Спаситель.

Но есть праздник — святой и спасительный. И есть праздность — греховная и гибельная. Раньше, если человек бездельничал, о нем говорили: он празднует лодыря. Кто-то празднует память святителя Николая, кто-то Георгия Победоносца, а ленивец празднует лодыря. Конечно, бездельник ни в ком не вызывает симпатии. Но мы не будем вспоминать всяческую леность, а поговорим лишь о некой, почитающейся законной, праздности, чья безнравственная сущность не всегда бывает видна. Но для нас она как раз сугубо опасна.

Двадцать, тридцать, а то и сорок и более лет отдает человек активному труду, питаясь от своей профессии, от своей работы. Но приходит день, и привычная трудовая деятельность заканчивается, наступает заслуженный, как о нем говорят, отдых. Иногда выход на пенсию совпадает с возрастной усталостью, не позволяющей работать далее, с семейной необходимостью ухода за больными или помощи родным. Но чаще начало пенсионной жизни всего лишь календарный срок. Конечно, в 60 лет не поработаешь, как в 30, но силы еще есть. И здесь жизнь пожилых людей складывается по-разному.

Ко мне однажды обратилась женщина: “Я слышала, что у вас некому готовить для причта, можно я помогу вам?”. Она профессиональный повар, недавно ушла на пенсию. “Моя мама перед смертью мне наказала, чтобы я, выйдя на пенсию, шла работать в храм, Христа ради”,— пояснила она. С того дня уже несколько лет Евдокия кормит нас, печет для храма просфоры, выполняя материнское благословение.

Этот случай типичный. Немалая часть работ в храмах лежит на пенсионерах или на людях, имеющих свободное, праздное, как раньше говорили, время.

К концу жизни человек слабеет силами. Он не может уже выполнять привычную работу. Как правило, к этой поре дети подросли и не требуют заботы, напротив, они сами оказывают помощь родителям. Что же делать пожилому человеку?

Наши предки не представляли себе жизни бездеятельной. “В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю” (Быт. 3, 19),— заповедал Господь труд. “Доколе не возвратишься в землю”, то есть до самой смерти. Только деятельность эта в старости другая. Отошла многозаботная, шумная жизнь большой семьи. Не так, как в молодости, тревожит суета мирских перемен. “Пусть себе

бежит и меняется время, пусть спешат за ним молодые, а мне пора думать о вечности. Вспомнить и восполнить то, чего не успел за суетой",— думает пожилой человек. И, свободный от домашних занятий и обязательного труда, чаще бывает на службе в церкви. Он может потратить свои душевные силы и время на дела милосердия.

В прежнее время в благочестивых семьях пожилые люди, исполнив свой родительский и семейный долг, передав хозяйство молодому поколению, нередко уходили в монастырь. В достаточных семьях освободившиеся от обязательных забот старики брали на воспитание сиротку или ребенка у малообеспеченных родственников. Помогали бедной родственнице-невесте выйти замуж или племяннику-студенту окончить курс. Принимали у себя нищих и странников. Брали на себя заботу о престарелых. "Дохаживали" убогих и калек.

Расскажу, как оригинально и мудро распорядилась своими предзакатными годами одна моя знакомая старушка. Оставила она работу, когда ей было уже около семидесяти. И стала проситься у детей в богадельню, в дом престарелых. Дети у нее все хорошие, жили ладно, не ссорились.

Растерялись они. Что же это мать, места что ли они для нее пожалеют или куска? Зачем такой позор: мать в богадельню? Но старушка крепко на своем стояла. С большим трудом устроили ее в интернат. И ведь совсем не потому, что боялась стать обузой для любимых детей, ушла она туда. Искренняя христианка, она боялась бездействия, праздности. Уж и послужила она ближнему напоследок! И уборщицей, и санитаркой, и сиделкой была у себя в богадельне. "Присядет на полчасика на диванчик в коридоре и опять спешит куда-то. Скребет — моет, моет — скребет, как век не работала!" — рассказывали после ее смерти соседи по интернату. Помню, и молитвенница она была изрядная. Царство ей Небесное, рабе Божией Марии.

Удел пожилого человека — это молитва и милостыня. Для него после многих дней труда наступила суббота покоя. Покоя от многих житейских забот, покоя от страстей, которые зачастую смиряются к старости. Теперь можно исполнить давнюю мечту: съездить к киевским угодникам или в Оптину. Можно побывать на престольных праздниках, у чудотворных икон. Насладиться беседой с людьми духовными. Можно почитать духовные книги, просветить свой осуетившийся ум. Можно помолиться не отвлекаясь, не торопясь. Можно побеседовать со своей совестью, испытывая ее на забытые, не видимые прежде грехи. Господь милосерд. Он дал нам время очистить-

ся покаянием и загладить милостыней свои ошибки. Он дал нам перед концом это время покоя и, может быть, даже телесной немощи для нашего спасения. Часто старость становится праздником души. Светлая, мудрая, спокойная старость верующего человека.

Никто не знает сроков своей жизни. Умирают младенцы и отроки, юноши и зрелые мужи. Мы во всякое время должны быть готовы дать отчет в своих делах. В молодые и средние годы жизненная суета и заботы отягощают наш ум, приземляют его. Но если человеку посчастливится дожить до старости, пусть воспримет он последние годы как особую милость, дар Божий. И отнесется к этому дару с благоговением.

В недавние годы, зайдя в церковь, мы видели там в основном людей пожилых. Это не был только остаток дореволюционных прихожан. В семидесятые годы это были уже совершенно советские пенсионеры. Верующие молодые и трудящиеся люди не всегда могли победить в себе страх общественного осуждения и служебных неприятностей, связанных с посещением церкви. Они надеялись на будущее. Либо "Бог орду переменит", либо настанет хоть с возрастом свобода от всех профкомов, завкомов, парткомов и домкомов. А старикам надеяться — нет времени. У них будущее — вечность. И перед страхом вечной гибели преодолевали страхи перед семейными неурядицами и общественным поношением. Это ведь было время, когда за верующую маму вызывали "на ковер", а внука-пионера заставляли отречься от бабушки-христианки.

Сегодня в храмах пожилых людей стало в процентном отношении много меньше. Есть храмы, особенно городские, где их совсем мало. Хорошо, что в церковь пришли молодые. Но очень жаль, что не все пожилые люди, считающие себя верующими (а таковых подавляющее большинство), бывают на праздничных богослужениях. Где же они? Чем заняты их мысли и сердце?

Как часто, прожив честную трудовую жизнь, но не стяжав навыка молитвы, поста, исповеди, церковной жизни, люди лишают себя последнего праздника и будущей награды. Иногда мы укоряем молодых празднолюбцев в том, что они прожигают жизнь. Но у тех есть хоть какая-то надежда на перемену. А у праздного старика — нет. Он в праздности и вовсе сжигает свою жизнь. Я имею в виду даже не праздность дел — дела, может быть, какие-то и можно найти, — а праздность стремлений и упований. Праздность духа.

Кому-то кажется, что нет ничего зазорного в длительных бесполезных беседах, сидении у телевизора, в мечтании за книгой. "Я всю

жизнь работала,— скажет иная,— могу я хоть теперь отдохнуть?". Нет, не для отдыха даны нам эти годы. Трудись, "доколе не возвратишься в землю",— заповедал Господь. "Покой и праздность — гибель душе, и больше демонов могут вредить ей",— читаем у преподобного Исаака Сирина. Праздность порождает пересуды и сплетни, любовь к ненужным новостям, злоязычие, желание роскоши, зависть. Праздность может стать отправной точкой любого греха. "Кто в праздности живет, тот непрестанно грешит",— писал святитель Тихон Задонский. "Да уж какие тут грехи, на склоне лет?" — отмахнется кто-то. А грехи все те же, что и в прежние годы. Гордость, гнев, блуд, сребролюбие...

Притом же они, будучи праздны, приучаются ходить по домам и бывают не только праздны, но и болтливы, любопытны, и говорят, чего не должно (1 Тим. 5, 13),— писал в I веке Апостол о праздных женщинах. Теперь же не нужно ходить по домам. Болтливость нашла посредника в телефоне, а праздное любопытство легко удовлетворить, включив телевизор. Как сладко в покое часами следить за чужим домом, чужой жизнью. Да и какой жизнью! Роскошной, праздной и такой элегантной! Чем наполнены все эти многочисленные сериалы, как путы, связавшие волю, разум и тела наших современников? Что делает эти фильмы так похожими друг на друга? Вожделение. Постоянное и всепроникающее вожделение. Желание чувственной любви, богатства, мести. Что хорошее возбудят эти чужие, как нам кажется, страсти в нашей душе? Все, что они сами есть: блуд, сребролюбие, гордость! Хорошее приобретение! Особенно на исходе лет.

Неразумно и самонадеянно считать себя защищенным от влияния нескромных зрелищ многолетним навыком нравственной жизни. Вот что писал об этом святитель Иоанн Златоуст: "Ибо когда ты войдешь в театр и сядешь там, услаждая взор свой обнаженными членами женщин, то, конечно, сначала будешь чувствовать удовольствие, но потом воспламенишь в себе сильный пламень. Когда видишь женщин, являющихся полуобнаженными, когда зрелище и песни не что иное выражают, как только одну преступную любовь, то как, скажи мне, можешь ты после сего быть целомудренным, когда такие рассказы, зрелища и песни уступают место таким же сновидениям,— потому что душе прирождено видеть во сне призраки многих таких вещей, которых она днем ищет и желает".

Старая пословица: "Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты"– вполне может звучать в наше время так: "Скажи мне, что ты смотришь (или читаешь), и я скажу тебе, кто ты". Подобный

ищет подобного. В том, что мы читаем и смотрим, мы ищем олицетворение желаемого. Незаметно мы отождествляем себя с героем или героиней, примеряем к себе разыгрываемую ситуацию. Стоит ли в пожилом возрасте, когда:

Сердце — времени послушно —
Бьется ровной чередой...

– возвращаться в мир любовных и страстных переживаний, да еще обязательно греховных?

Русский писатель Борис Шергин, уже приближаясь к пределу жизни, записал в своем дневнике удивительное рассуждение о страстных мечтах в старости. Вот небольшая выдержка: "Жар молодого цветущего тела, сила юной крови — от всего этого как бы хмелеет мысль-воображенье юноши, невольно уступает и подчиняется этому хмелю. Но эти «страстные мечты» отнюдь не суть естественное свойство человеческого мозга. Этому положено свое время. Страстный хмель с годами должен пройти. Ум, мысль, воображенье должны снова стать чистыми, ясными, способными к восприятию иного сознания, должны взойти на ступень высшего мироощущения".

Но как часто с человеком бывает такая беда: «страстные мечты» засядут в мозгу, и полюбит человек ими услаждаться. Страстной хмель должен налететь и вылететь, налетать и вылетать. И чем старше становится человек, тем реже и реже чад-то этот туманит воображенье. А бывает, страстные-то помыслы прочное гнездо совьют себе в нашем сознании. Полынным медом обволокут, залепят наши сердце и ум. Здесь уже не молодая кровь и плоть будут смущать ум и воображенье, а воображенье, ставшее распутным, и ум, сделавший себя развратным, начнут впрягать наш телесный состав в несвойственную ненужную работу. Человеку-то по годам пора хвалиться и радоваться о «почестях высшего звания», а человек-от в низинах похоти, как свинья в грязи роется". Весь этот красочный мир, истлевающий в обольстительных похотях и приковывающий наше ненасытное око к экрану, призван именно разжигать нашу чувственность, будить "страстные мечты". И осквернившееся воображение, действительно, впрягает наше тело в несвойственную ему в пожилом возрасте работу. Наши глаза и уши, наполненные страстными, чувственными образами, дают толчок увядающей уже гормональной системе, насилуют естественный ход жизни. Возникают нежелательные явления в органах малого таза, у пожилых женщин обостряется забытая уже мастопатия. Как блудные грехи истощают и калечат тело, так блуд-

ные помыслы расслабляют разум. Пора покинуть "цветущий сад молодости", вспомнить о своих летах. Кстати, знайте: раковая клетка — это просто обычная клетка, но только отказавшаяся стареть. Все клетки нашего организма проходят неизбежный цикл: молодость, функциональный период, увядание, старение, смерть. А те клетки, которые не желают стареть, образуют опухоль. В человеке все связано: тело, душа, дух. Будьте бдительны, чтобы ваши тело и разум не стали раковой опухолью для духа.

Блудная страсть, если она укореняется в человеке, ведет его к безумию. Частое наказание для блудников — это так называемое размягчение мозга, психическое заболевание. В недавнем прошлом, к слову, всякое психическое нездоровье считали следствием именно этого греха. В этой суровой каре, в недуге безумия сказалась особая милость Божия. Ведь страсть блуда, допущенная в сердце, очень трудно преодолима, а ответственность за нее сурова. С безумного же много ли спросишь?

В Библии, в Книге наставлений Иисуса, сына Сирахова, читаем: "...три рода *людей* возненавидела душа моя, и очень отвратительна для меня жизнь их: надменного нищего, лживого богача и старика-прелюбодея, ослабевающего в рассудке" (Сир. 25, 3—4).

Все приятные любования похождениями красавца Родригеса или обворожительной Марии не что иное, как грех против седьмой заповеди: "Не прелюбодействуй". Нужно дать себе в этом отчет и не ссылаться на то, что все, мол, смотрят. Не беспокойся, места в аду хватит. Господь целые города-государства предал огню за блудные грехи. Так что массовость — не оправдание. И не объяснение. Не только красочными фильмами и сериалами привлекает телевизор праздного человека. Иному кажется, что он познает через телекино мир, упражняет интеллект. Возможно. Но скорее, это просто способ забыться в мечтах, провести время.

В прежние годы праздный человек занимал себя игрой в карты, в недавнем прошлом стучали во дворах в домино, проводили время за сплетнями и слухами. Но где-то в сознании жило ощущение пустоты и греховности этих занятий. Наше время лукаво. Теперь благодаря техническому прогрессу "домино" и "слухи" прочно укоренились в наших домах на правах предметов первой необходимости. Много вы видели домов, где нет телевизора?

Сто лет назад кого мог осудить любитель справедливости? Дюжину соседей, пяток родственников да двоих-троих чиновников местной администрации. А какие возможности сегодня? Сегодня нам до

ступна для обсуждения-осуждения жизнь сотен, даже тысяч людей. Политики и киноактеры, журналисты и художники, военные и торговцы — все в нашей власти, все ждут нашего справедливого суда. А если мы затрудняемся, то за нас этот суд произнесут наши помощники: режиссеры и ведущие телепрограмм. Нам останется только послушно принять их мнение.

Какие слухи заставляли трепетать сердца наших соотечественников полтора эдак века назад? Ну разве что приезд какого-нибудь "Белого арапа из Белой Арапии". А теперь? Сколько катастроф, убийств, ограблений, землетрясений доступны нашему взору и слуху! И жутко, и жалко, и давление поднялось... и оторваться невозможно.

Тщеславный интеллект день за днем распутывает политические хитросплетения, услаждается угадыванием закулисных тайн. Сопоставляет, угадывает и видит на шаг вперед. Год за годом кто-то добровольно несет бремя домашнего политика.

Можно поучаствовать в викторине-шоу или в каком-нибудь интервью со знаменитостью. Еще раз почувствовать свою значительность. Круг телевизионных интересов может быть обширен и ум постоянно занят, но не принесет эта занятость никакого плода, кроме пустой гордости, тщеславия и безвозвратно потерянного времени.

Таковых удаляйся,— писал Апостол, определяя их *как всегда учащихся и никогда не могущих дойти до познания истины* (2 Тим. 3, 7). Не лучше ли нам самим удалиться от телевизора, хотя бы частично? Не сам телевизор, а наше несовершенство делает для нас гибельным время, проведенное у экрана.

Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но не все назидает (1 Кор. 10, 23),— говорит апостол Павел. Нам кажется, что телевизор — забава для нас. Но со временем роли меняются. Сегодня уже черный ящик забавляется нами. О его здоровье мы заботимся не меньше, чем о своем. Его несовершенство печалит нас, как несовершенство близких родных. В одной семье, чувствуя свою зависимость от телевизора, решили избавиться от него. Позже хозяйка призналась, что некоторое время она переживала состояние человека, потерявшего самого дорогого друга. Иному зрителю или зрительнице кажется, что они смотрят свои любимые передачи лишь оттого, что у них нет другого занятия. Но какую досаду, раздражение и даже гнев встретит любимая внучка-малышка, если попросит починить карандаш во время сеанса, или милая приятельница, позвонившая по телефону. Как вино, как наркотик, как

любая страсть, телевизор порабощает нас. Участие во всех мировых скорбях и принятые к сердцу переживания героев фильмов выхолаживают душу. Телевизор активизирует на время эмоциональную жизнь, но не дает работы душе. А праздность для души гибельна. "Душа, не упражняющаяся в добрых делах, а по природе своей непрестанно стремящаяся к деятельности, по необходимости предается злым делам" (святитель Иоанн Златоуст).

Такие злые дела, как сплетни, пересуды, пустословие, неразделимы с праздностью.

Привычка переживать множество придуманных или искаженных авторским мнением судеб, встреченных на экране, дает ложное ощущение опытности, питает самомнение. Приверженность телевизору не расширяет кругозор, а, наоборот, ограничивает его. Имея долгое время общение не с реальной жизнью, а с ее отражением, человек постепенно начинает чувствовать себя автором, относясь и к реальной жизни, как к отраженной, навязывая ей усвоенные стереотипы, искаженно переживая реальность. Это чувство авторитета толкает его на осуждение, позволяет вмешиваться в жизнь близких и не очень близких людей, заставляет болезненно воспринимать невозможность поправить или объяснить чужую ошибку, словно чужая жизнь всего лишь продолжение фильма или книги. Это проявление ограниченного мироощущения болезненно как для самого "автора", так и для его близких. Неразборчивое чтение и увлечение экраном развивают мечтательность. То, что мы увидели или прочли, будет жить в нас до самой смерти. Стереть из памяти зрительный образ невозможно. Согласитесь, что воспоминания-переживания увиденного не раз и не два возвращаются к нам после того, как погас экран. Иногда пройдет много лет, вдруг выплывет из памяти какой-нибудь отрывок фильма, вовсе и ненужный нам. Построенные в форме длительных сериалов фильмы как раз и опасны тем, что человек месяцами живет в состоянии некого опьянения, перебирая постоянно в памяти знакомое и выстраивая возможные варианты. Увлеченный сериалами зритель обязательно в мыслях становится автором, занимая бесполезной работой свой ум. Наивно недооценивать разрушительное действие такого сна-опьянения. *Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение* (Мф. 26, 41),— говорит Спаситель и повторяет: *А что́ вам говорю, говорю всем: бодрствуйте* (Мк. 13, 37). *Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить* (1 Пет. 5, 8), предупреждает апостол Петр. *Итак, не будем спать, как и прочие,*

но будем бодрствовать и трезвиться (1 Фес. 5, 6),— призывает апостол Павел. Не случайно так настойчиво и многократно остерегает нас от духовного сна Священное Писание. Сон души — это вечная смерть.

Сожаление вызывает в нас молодой человек, пребывающий в радостном опьянении жизнью, не заботящийся о своей душе. Мы сожалеем, но где-то сочувствуем ему. Но неизвинителен пожилой человек, проводящий последние годы в опьянении чуждыми и нереальными, неблизкими ему судьбами, забывший о своей судьбе.

Зачем на закате дней эта пустая забава: яркий калейдоскоп, меняющий не только картинки, но и мнения, мораль, смешивающий в своей темной утробе чистое и нечистое, свет и тьму, Христа и Велиара, храм Божий и идолов? Слишком самонадеянно для нас думать, что мы можем разделить и разгадать эту мозаику. *Ибо, произнося надутое пустословие, они уловляют в плотские похоти и разврат тех, которые едва отстали от находящихся в заблуждении* (2 Пет. 2, 18). *Они прельщают неутвержденные души* (2 Пет. 2, 14). Как будто о наших средствах массовой информации сказал эти слова Апостол. У пожилого человека часто ухудшается слух, слабеет зрение. Да у него и нет в них такой надобности, как в прежние годы. Его слух и зрение чаще обращены внутрь, в свое сердце. Наступила пора духовной работы. Понять себя, помолиться, очиститься, побелеть совестью, как белеют с годами волосы. До слухов ли тут, до чужих ли грехов? Со своими бы расквитаться.

Я знаю немало людей, которые свой отдых сочетают с благотворительным трудом в Церкви. Вероника несколько лет каждый отпуск ездила в Псково-Печерский монастырь, выращивала там цветы. Кто был в этой обители, те помнят, какое обширное там цветочное хозяйство, оно требует не только труда, но и умения. Уйдя на пенсию, В. пошла работать в один из монастырей. Клавдия всякое лето работала на строительстве храмов каменщицей. Антонина, московская пенсионерка, хозяйка многочисленной семьи, в свободное время помогает в храме, то на кухне, то за свечным ящиком, куда благословят. А если свободного времени немного, то обязательно навестит одну из опекаемых ею одиноких старушек. Многие верующие в отпуск ездят в паломническую поездку помолиться в какой-нибудь полюбившейся обители. Ведь молитва — это тоже труд. Вспомним пророчицу Анну, вдову, *которая не отходила от храма, постом и молитвою служа Богу день и ночь* (Лк. 2, 37).

Ваши родные и близкие, живые и умершие, ждут вашей помощи.

Ждут вашей молитвы. Вы свободны от ежеминутной суеты трудовой и семейной жизни, у вас есть время помолиться о них. Посмотрите, какие длинные списочки-записочки о здравии и о упокоении подают старые люди в храме. Может быть, этот старик остался один из всей родни и один молится за всех усопших. Как нужна им его молитва! Он знает свой долг, поминает их, заказывает панихидки, подает записочки. Скольких людей вспомнит иная старушка в своей молитве, многие из них уж забыли ее давно, живут где-то вдали, а она о них молится. Делился как-то своим опытом один человек, сам искренний молитвенник: "Бывает день — тяжело на душе, все кажется плохо. А потом вдруг раз — и прошло уныние. Значит, помолился кто-то о тебе. Или бывает, совсем у греха стоишь, да вдруг опомнишься. Опять кто-то помолился". Если вы испытывали такое светлое легкое чувство, вдруг неожиданно пришедшее на помощь вам,— знайте, и о вас кто-то помолился. Живой или уже умерший. Молитесь и вы за своих.

Почему в тяжелых обстоятельствах, в беде, сами будучи уже немолодыми, мы вспоминаем мать? Мы вспоминаем ее как самую любящую, самую действенную защитницу. Иногда в этом воспоминании о матери — последняя наша надежда. Не только детская память заботливых материнских рук, оберегающих нас, но более вера в материнскую молитву дает нам эту надежду. Потому что молитва матери — самая святая молитва. Плачет над могилой старика отца седой человек. Почему? Не вечно же мучиться старому и больному телу? Не известна нам участь ушедших из жизни, а на земле он потерял молитвенника о себе.

Если не пришлось вам в вашей жизни заботиться о душе своей, молиться, каяться, милостовать, то начните сегодня, дожив до возраста разумного и ответственного, сказав себе: "До сих пор мы не сделали ничего, начнем труд (душевного спасения) хотя теперь". И тогда скучная праздность сменится праздником, радостью о Господе. Старость ваша не будет уныла и жалка, она станет колыбелью нового человека. И к вам будут слова Апостола: *Посему мы не унываем; но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется* (2 Кор. 4, 16). Аминь.

Печатается по изданию: За советом к батюшке. Сборник. Издание 2-е. М., 2002.

Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря
2004 год